

Падение «живого человека» и рост нового героя были тесно связаны. Соцреализм лишил новое поколение героев тех «дефектов», которые подорвали воспитательный авторитет их предшественников. В критическом обзоре соцреалистических героев И. Гринберг перечисляет их качества: «Большевик — герой нашей литературы и нашей эпохи — это человек, изменяющий мир, человек действенный, волевой, чьи действия полны высокой ленинско-сталинской идейности, человек, который растет в борьбе, человек, для которого личным, кровным делом является счастье всего народа, счастье нашей прекрасной и счастливой родины, для защиты которой он отдавал, отдает и готов отдать все свои силы, свои способности, свои таланты»⁴⁵. Новые герои отличаются небывалым энтузиазмом, стойкостью, оптимизмом, самоконтролем, дисциплиной. Едва ли не самым известным воплощением этих качеств являлся, разумеется, Павел Корчагин, который был признан «лучшим представителем большевистской породы» и «героем нашего времени»⁴⁶. Показательно решение им «проклятого» вопроса, столь подвешенного Шорохова. Сила любви, влечение к другому полу не отрицаются, и отношения между Павлом и Таней передаются через традиционные романтические метафоры: «Юность, безгранично прекрасная юность, когда страсть еще непонятна, лишь смутно чувствуется в частом биении сердец; когда рука испуганно вздрагивает и убегает в сторону, случайно прикоснувшись к груди подруги, и когда дружба юности бережет от последнего шага! Что может быть роднее рук любимой, охвативших шею, и — поцелуй, жгучий, как удар тока»⁴⁷.

Такое электричество, однако, опасно. Нам дан пример Климки, который под влиянием «белокурой» Вали забывает «все предостережения» и не выполняет приказ. К счастью, после «второго рождения», когда сталь закалена, Павел в состоянии дать нам правильный ответ: «Я, маманя, слово дал себе девчат не голубить, пока во всем свете буржуев не прикончим». Гринберг доволен его удивительной силой устойчивости перед соблазном, приписывая это его «стальному характеру».

Итак, теперь литература может питаться самой действительностью, не прибегая ни к какой фантазии. В предисловии к роману Островского Г. Петровский ставит Корчагина в один ряд с «реальными героями», такими как Стаханов (не забывая, конечно, и об автобиографических истоках романа). Таким образом, реальность переворачивалась. По утверждению Гринберга, соцреалистические герои настолько подлинны, что когда писатели хотят придать героям присущие «живому человеку» черты (например, «тоску, раздвоенность или меланхолию») — это... украшательство⁴⁸. Если герой не представлен цельным и совершенным, значит автор просто фальсифицирует, потому что советские люди на двадцатом году революции наделены характерами «цельными и резкоопределенными» — без отрицательной «раздробленности души». Потому «Рождение героя», как и

другие произведения напостовцев, воспринимался как «вредная карикатура», имевшая целью «очернить передовых людей»⁴⁹.

Упоминание Гринбергом грязи, в которой Либединский и его соратники якобы барахтаются, замечательно тем, что Горький в своей борьбе с засорением литературного языка в начале 1930-х годов опирался на тот же принцип «очищения», против «загрязнения». На его взгляд, любое слово, отражая общественные отношения (эксплуататор — эксплуатируемый), при употреблении либо разясняет, либо затемняет истину. Поэтому все слова могут быть осмыслены в двух противоположных категориях — как правда и ложь. Между этими полюсами ничего нет. Доведенное до логического конца, такое разделение сводит реальность к оппозиции «за» и «против». Тут сложность сама собой исчезает (а точнее, с ней не следует считаться), так как она, затемняя, служит лжи⁵⁰.

Вслед за Горьким «очищение» действительности путем заведомого ограничения рамок изображаемой реальности критика сделала основой борьбы за нового героя: персонаж должен быть либо положительным, либо отрицательным, а потому — предсказуемым. В героя не надо больше всматриваться — его поведение, высказывания и последствия его поступков становятся запрограммированными (при этом схематизм, разумеется, отрицался и всячески осуждался): «Образы нашей литературы, изображающей характеры крупные и отчетливо выраженные, тем более должны обладать резкостью, законченностью очертаний. Эта резкость не имеет ничего общего, разумеется, со схематизмом и упрощением. Люди должны быть изображены во всей сложности своей, во всем богатстве мыслей и чувств, но эта сложность должна получить ясное и отчетливое выражение. Без этого невозможно создание монументальных, обобщающих образов»⁵¹.

Однако вся «сложность» персонажа и «богатство» его мыслей должны, в конце концов, подчиниться единой цели, иначе он превращается в свое отрицание. Это стремление «выпрямить» реальность можно проследить во всех сферах культуры, границы между литературой и жизнью стираются окончательно. Персонажами серии «Страна должна знать своих героев» являлись стахановцы, которые в своих выступлениях на Первом Всесоюзном совещании в 1935 г. не тратят времени на «внутреннее копание» и всякую «психологическую чепуху». Тем, кто бьет рекорды, активная психика только мешала бы. Личная жизнь упоминается в их выступлениях лишь тогда, когда она проливает свет на их достижения. Вот что говорил Стаханов о своей жизни вне работы: «Да, многое изменилось теперь в моей работе. Изменилась и жизнь семьи. Семья у меня небольшая: жена и двое ребят. Жена за семь лет на шахте обжилась, стала шахтеркой в полном смысле и живет теперь моими интересами, интересами шахты»⁵².

Шорохов вреден не тем, что он, дескать, пошляк, развратник, лже-большевик, а тем, что в нем утверждается некоторая сложность реальности. В отличие от Корчагина, у него нет заранее подготовленных ответов на каждую ситуацию. Наоборот, Шорохов думает, взвешивает, смотрит на жизнь со многих сторон. В этом корень его желания и умения «войти в положение того, кого ему пришлось судить». И именно это делает его несовместимым с новым, соцреалистическим определением реальности. Громя в 1935 году остатки теории «живого человека», П. Рожков предвосхищал аргумент Гринберга: мир перестал быть сложным, а сторонники теории «живого человека» и углубленного психологизма считают, что людей нельзя раскладывать по полочкам, что в реальной действительности нет людей цельно-положительных и цельно-отрицательных, что все люди сотканы из противоречий, что в каждом человеке надо найти «раздвоение единого» или «диалектику»... Эта теория не имеет ничего общего с марксизмом⁵³.

Проблема, однако, не в том, что людей «раскладывают по полочкам» (стремление к типологизации и классификации неистребимо), а в том, что признаются только две «полочки». В таком мире нет места для Шорохова, этого «мещанина с

партбилетом в кармане». Рожков, конечно, прямо не отрицает, что жизнь сложна, но настаивает на том, что на этом нельзя сосредоточиваться: «нам нужно многообразие, сведенное к единству». Отсутствие такого единства, как теперь разъясняет критика, «возводит в добродетель стихийные процессы в советской литературе». Рожков обвиняет Либединского буквально в тех же словах, в каких тот защищал Шорохова, заявляя, что «по существу цельной личности нет, и человек, который настаивает на 100%-й цельности, конечно, ничего не понимает»⁵⁴.

Рожков действительно кое-что понял. Он понял, что упрощенный показ выгоднее многостороннего. В конечном счете, Рожков повторил возражения Куреллы, который за два года до появления Шорохова в одной из первых атак на теорию «живого человека» предупредил, что эта теория только усложняет картину, будучи способной очеловечить врага и пробудить совесть в герое. И то и другое может привести к непредсказуемости, самотеку, свободе действий, всему тому, с чем всегда боролся соцреализм.

Непригодность Шорохова для защитников ясной картины мира как в 1920-е, так и в 1930-е годы позволяет провести еще одну важную грань между установками психологизма и соцреализмом. На поверхности их намерения сходились: обоими выше всего ценилось воспитание читателей; оба подчеркивали необходимость показать ростки завтрашнего дня в сегодняшней литературе. Расхождение было в стратегии осуществления этой задачи. Первыми упор был сделан на *процессе*, вторыми — на *результате*. О том, какое это имело практическое значение, можно понять, обратившись к трактовке в соцреализме одного из самых известных в литературе 1920-х годов «живых людей» — Левинсона из «Разгрома» Фадеева.

Хотя Левинсон и был мучим внутренними конфликтами, он был принят в семью советских героев не в последнюю очередь потому, что мог все «свести к единству». Показ одних переживаний никого ничему научить не может. Читатель не может равняться на колебания; нужен определенный, конкретный ответ. Этим и ценен Левинсон. Даже в самых ужасных условиях он преодолевает свои сомнения, свой страх, не теряя, по словам Гринберга, «способность найти выход, найти решение вопроса». Изможденный, измученный, он продолжает руководить отрядом и поэтому не перестает быть образцом мужества. И при всех своих слабостях он добивается того, что для Шорохова недостижимо — уважения: «Никто в отряде не знал, что Левинсон может вообще колебаться: он ни с кем не делился своими мыслями и чувствами, преподносил уже готовые “да” или “нет”. Поэтому он казался всем — за исключением таких людей, как Дубов, Сташинский, Гончаренко, знавших истинную его цену, — человеком особой, правильной породы. Каждый партизан, особенно юный Бакланов, старавшийся во всем походить на командира, перенимавший даже его внешние манеры, думал примерно так: “Конечно, я, грешный человек, имею много слабостей; я многого не понимаю, многого не умею в себе преодолеть; дома у меня заботливая и теплая жена или невеста, по которой я скучаю; я люблю сладкие дыни, или молочко с хлебцем, или же чищенные сапоги, чтобы покорять девчат на вечорке. А вот Левинсон — это совсем другое. Его нельзя заподозрить в чем-нибудь подобном: он все понимает, все делает как нужно, он не ходит к девчатам, как Бакланов, и не ворует дынь как Морозка; он знает только одно — *дело*. Поэтому нельзя не доверять и не подчиняться такому правильному человеку»⁵⁵.

Пример Левинсона показывает, что сам по себе интерес к психике мог и не противостоять принципам соцреализма. Герой Фадеева компенсирует «копание в себе» тем, что не пренебрегает своим долгом. Без этой «компенсации» получаются Шороховы. Разница существенная, и она объясняет, почему, как ни странно, соцреализму нужен был Шорохов. Ошибаться могут (и должны!) попутчики или иностранные писатели. Но «живой человек» был уклоном более опасным потому, что его создателями были сами пролетарские писатели. Шорохов был

своего рода границей, пределом допустимого, он был превращен в некую невидимую грань, которую нельзя было переступить, не впад в ересь. Более того, Шорохов расширил границы понятия — «живой человек» стал настолько просторным, что на него легко можно было списать и многие другие «грехи». Его раздули до размеров всеобщей иллюстрации того, что препятствует созданию «настоящих» советских героев. Подобно жупелу Троцкого в сталинских чистках, Шорохов служил соцреализму весьма полезной метлой, пригодной на то, чтобы очистить советскую литературу от всего неправильного и вредного. Так рождается парадокс, свойственный системам, которые основываются на сужении границ допустимого: чем больше Шорохов «грешит», тем более он полезен в качестве примера для бичевания разнообразных политико-эстетических пороков. Труп Шорохова оказался воистину плодоносящим.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 R. Robin. *Socialist Realism: An Impossible Aesthetic*. Stanford, 1992.

2 Подробнее о возникновении лозунга «живого человека» см.: E. Brown. *The Proletarian Episode in Russian Literature, 1928—1932*. New York, 1953; С. Шешуков. *Нестовые ревнители (Из истории литературной борьбы 20-х годов)*. М., 1970; Н. Ermolaev. *Soviet Literary Theories, 1917—1934: The Genesis of Socialist Realism*. New York, 1977; Г. Белая. *Дон-Кихоты 20-х годов: «Перевал» и судьба его идей*. М., 1989.

3 В. Ермилов. *Против мещанской красоты // С кем и почему мы боремся* (Под ред. Л. Авербаха). Л., 1930. С. 136.

4 В. Ермилов. *Проблема живого человека в современной литературе и «Вор» // За живого человека в литературе*. М., 1928. С. 30.

5 Ю. Либединский. *За что борются напостовцы // Генеральные задачи пролетарской литературы*. Л., 1931. С. 17.

6 А. Фадеев. *Столбовая дорога пролетарской литературы*. Л., 1929. С. 12.

7 В. Ермилов. *Против мещанской красоты*. С. 133.

8 О позиции «Литфронта» см.: E. Brown. *The Proletarian Episode*. С. 151—156.

9 А. Курелла. *Против психологизма // На литературном посту*. 1928. № 5. С. 29. Ответ был дан М. Серебрянским (см. М. Серебрянский. *За психологизм и реализм // На литературном посту*. 1928. № 9. С. 30—33).

10 Б. Кушнер. *Причины отставания // Красная новь*. 1930. № 11. С. 139.

11 Ю. Либединский. *Рождение героя*. М.; Л., 1931. С. 3.

12 Там же. С. 41.

13 Там же. С. 65.

14 Там же. С. 153.

15 Там же. С. 183—184.

16 Еф. Добин. *Рождение героя // Борьба за метод*. Сб. дискуссионных статей о творчестве. М.; Л., 1931. С. 91—104.

17 В. Ермилов. «Рождение героя» Ю. Либединского // *Борьба за метод*. С. 139; Д. Мазнин. «Рождение героя» и наш метод // Там же. С. 105—116; Е. Тарасов-Родионов. *Мертворожденный герой // Литературная газета*. 1930, 21 апреля. См. также: Г. Адонц. *Проблема героя // Перелом*. 1930. № 3. С. 26—28. *Фамилия заместителя Шорохова — «Эйднунен» в журнальном варианте (Октябрь, 1930), в книжном — «Эйдкунен»*.

18 В рабочем редсовете ГИЗ // *Литературная газета*. 1930, 10 августа.

19 Т. Костров. *Рождение... героя? // Борьба за метод*. С. 84.

20 Там же. С. 87.

21 Читатели о «Рождении героя» // *На подъеме*. 1931. № 2—3. С. 259; В. Катанян. *Вырождение героя // Литературная газета*. 1930, 19 мая.

22 Н. Свириин. *Шаг вперед, два шага назад // Борьба за метод*. С. 158.

23 Читатели о «Рождении героя». С. 259.

- 24 А. Горелов. Литературная робинзонада // Молодая гвардия. 1930. № 12. С. 96.
- 25 И. Виноградов. Ю. Либединский и напостовство // Литературная учеба. 1933. № 5. С. 65.
- 26 М. Гельфанд, А. Зонин. К дискуссии о творческом методе // Печать и революция. 1930. № 4. С. 10.
- 27 Там же. С. 9.
- 28 Там же. С. 8—9.
- 29 Читатели о «Рождении героя». С. 259.
- 30 Д. Тамарченко, Н. Танин. Напостовство и воронщина // Печать и революция, 1930. № 5—6. С. 40—7.
- 31 Г. Лебедев. Отзывы меньшевистствующего идеализма в художественном творчестве // Правда. 1932, 10 января.
- 32 См. вывод Катаняна: «Эта вещь подрубила сук, на котором последние годы проживал тов. Либединский, сук углубленного психологизма, и т. Либединский оглушительно спланировал на землю».
- 33 В. Наливахин. Опять и еще о «Рождении героя» // Литературная газета. 1930, 9 июня.
- 34 См.: Читатели о «Рождении героя».
- 35 И. Виноградов. Указ. соч. С. 73.
- 36 В стороне от столбовой дороги // Сибирские огни, 1930. № 7. С. 96.
- 37 Все это будет повторено на Первом съезде писателей в 1934 г.
- 38 Страна должна знать своих героев // Правда. 1931, 18 мая.
- 39 Правда. 1931, 8 мая.
- 40 См. выступление Сталина (23 июня 1931 г.) против уравниловки (Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства // Соч. Т. 13. М., 1952. С. 51—80) и ответ рапповцев на него и на серию «Страна должна знать своих героев» в статьях: «Речь тов. Сталина и задачи РАПП» (На литературном посту, 1931. № 24. С. 1—4); З. Григорьева, «За лучший показ героев пятилетки» (Там же. 1931. № 18. С. 45—46).
- 41 В. Кирпотин. Советская литература к пятилетию Октября // Советская литература на новом этапе: Стенограмма первого пленума оргкомитета Союза советских писателей, 29 октября — 3 ноября 1932. М., 1933. С. 33.
- 42 И. Беспалов. В защиту действительности // Красная новь. 1930. № 9—10. С. 192.
- 43 Е. Добин. Героика масс и оптимизм борьбы // В спорах о методе. Л., 1934. С. 41.
- 44 Там же. С. 49—50.
- 45 И. Гринберг. Герой советского романа // Образ большевика. Л., 1938. С. 79.
- 46 Н. Войтинская. Павел Корчагин // Октябрь. 1936. № 1. С. 175.
- 47 Н. Островский. Как закалялась сталь. Л., 1936. С. 105.
- 48 См. также: Создадим образ героя нашей эпохи (Ред. ст.) // Литературный критик. 1934, № 6. С. 3—12.
- 49 И. Гринберг. Указ. соч. С. 77—78.
- 50 М. Горький. О языке // М. Горький. Собр. соч. в 30-ти тт. Т. 27. М., 1953. С. 164—170.
- 51 И. Гринберг. Указ. соч., С. 12. См. также: И. Разин. Социалистический реализм // Октябрь. 1933. № 5. С. 173—175; М. Винер. О некоторых вопросах социалистического реализма // Октябрь. 1935. № 1. С. 248; И. Виноградов. Проблема типа // И. Виноградов. Вопросы марксистской поэтики. Л., 1936. С. 381—427.
- 52 Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев: Стенограф. отчет. М., 1935. С. 15.
- 53 П. Рожков. Об определенности характеров // Новый мир. 1935. № 8. С. 216.
- 54 Ю. Либединский. За что борются напостовцы. С. 10.
- 55 А. Фадеев. Разгром // А. Фадеев. Собр. соч. в 5-ти тт. Т. 1. М., 1959. С. 41—42.